

На следующий день Фу Шило поднялся с постели без малейшего намёка на бодрость. Ослепительное солнце, заливавшее комнату сквозь стекло, его нисколько не радовало — юноше казалось, что от этого затянувшегося безделья он вот-вот заплесневеет.

С самым унылым видом он выпроводил за дверь своего персонального капиталиста — пускай Се Гуантин идёт эксплуатировать других, — а сам тут же без сил рухнул на широкий диван в гостиной.

Закончив деловой обед с топ-менеджерами, Се Гуантин вернулся в кабинет и остановился у панорамного окна, разглядывая ленивые белые облака, зацепившиеся за шпили далёких небоскрёбов.

Сказать по правде, этот избалованный мальчишка не вызывал неприязни. Да, он рос в тепличных условиях, не зная реальных невзгод, и с рождения обладал колоссальными ресурсами, о которых обычные люди не могли мечтать и под конец жизни. Однако в его полном равнодушии к карьере и достижениям не было ни капли высокомерия.

Нужно иметь поистине скверный характер, чтобы невзлюбить этого открытого, добродушного и ничуть не заносчивого парня.

Готовясь к браку, Се Гуантин ожидал худшего. Каким бы бездельником ни рос этот наследник, сложно было представить, что он безропотно уступит семейную империю стоимостью в сотни миллиардов постороннему человеку. И уж тем более позволит какому-то нищему выскочке сесть себе на шею, чтобы потом выпрашивать у него карманные деньги.

В конце концов, Фу Шило оставался единственным и горячо любимым сыном могущественной четы Фу. Возникни между ними малейшая искра вражды — и из дома без колебаний вышвырнули бы именно Се Гуантина.

Но реальность оказалась совсем иной. Фу Шило не просто без лишних слов согласился полететь в Америку ради формального брака, но и встретил его с поразительным радушием. Это отношение было настолько тёплым, что Се Гуантин на его фоне порой чувствовал себя бездушным тираном, обижающим ребёнка.

Он опустил взгляд на свои ладони. Следы старых обморожений заметно побледнели. Эссенция для удаления шрамов от обморожения стоимостью двадцать тысяч долларов за миллилитр полностью оправдывала свою безумную цену: всего за пару недель мелкие шрамы затянулись, оставив после себя чистую и ровную кожу. Се Гуантин и представить не мог, что эти багровые отметины, слой за слоем покрывавшие его руки долгие годы, когда-нибудь исчезнут.

Зимы на юге Китая славятся сыростью и пронизывающим холодом. Ветхий глиняный дом семьи Се не спасал даже от сквозняков, не говоря уже о морозе. Сколько он себя помнил, стоило ему

едва научиться держать в руках инструменты, как Се Аньго и Гу Сюмэй переложили на его плечи почти все заботы по хозяйству.

В тёплое время года приходилось полегче. Родители воротили нос от его стряпни и предпочитали готовить себе сами. Но как только наступали холода, они наотрез отказывались опускать руки в ледяную воду: кутались в одеяла и покорно ждали, когда сын всё сделает и подаст.

В их глухой деревне никто и слыхом не слыхивал о тёплых полах или обогревателях. Чтобы постирать одежду или помыть посуду в разгар зимы, местным приходилось разводить огонь и греть воду вручную, бережно разбавляя её холодной.

Но Се Аньго и Гу Сюмэй тряслись над каждой щепкой и не позволяли тратить дрова на подобные излишества. Самое абсурдное заключалось в том, что Се Гуантин сам заготавливал этот хворост, но круглый год был лишён права даже на тёплый душ.

Поэтому каждую зиму его пальцы покрывались зудящими обморожениями. Со временем они превратились в грубые, уродливые рубцы, обезобразившие молодые руки.

И если бы не внезапное появление в его жизни Фу Шило, до этих старых шрамов никому и никогда не было бы дела.

Поддавшись неожиданному порыву, Се Гуантин протянул руку к телефонной трубке на рабочем столе и набрал домашний номер — поступок, для него совершенно небывалый.

— Дядя Чжан, добрый день, — как можно непринуждённое спросил он, когда на том конце ответили. — Репетитор к Фу Шило уже пришёл?

— Пришёл и уже ушёл, — вздохнул дворецкий Чжан.

Се Гуантин на секунду прикрыл глаза, мысленно смиряясь с неизбежным.

Услуги этих репетиторов обходились семье в астрономические две тысячи юаней в час. Более того, чтобы подстроиться под непредсказуемый график юноши, их время выкупили посуточно. Фу Шило волен был вызывать учителей в любой момент, когда на него снисходило вдохновение. Если же желания учиться не возникало, преподавателям просто отправляли короткое сообщение с просьбой не приезжать.

Но оплата при этом начислялась в полном объёме. Ежемесячный доход каждого специалиста превышал миллион юаней. Благодаря капризам молодого господина вчерашние аспиранты и докторанты обретали полную финансовую независимость задолго до получения учёной степени.

— А сам Фу Шило где? — поинтересовался Се Гуантин.

— Молодой господин изволит почивать, — вкрадчиво доложил дворецкий.

Се Гуантин замолчал. Похоже, в его личном лексиконе на сегодня тоже не осталось цензурных слов.

— Генеральный директор Се, у вас какое-то срочное дело? — осторожно спросил дворецкий Чжан, удивлённый столь редким вниманием со стороны зятя. — Нам ждать вас к ужину?

Прежде Се Гуантин никогда не звонил домой посреди дня, да и ужинать предпочитал в городе, за деловыми встречами.

Воспользовавшись удобным предложением, тот ответил:

— Да. Передайте повару, что сегодня я поужинаю дома.

<http://bllate.org/book/18196/1758918>